

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

1986

*К восьмидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

О ЯЗЫКЕ ПОЭМЫ КУЛ ГАЛИ «КЫССА-И ЮСУФ»

Сказание о прекрасном Иосифе в письменной и устной версиях широко известно в восточной и западной литературах. Эмоциональная насыщенность и высокие нравственные идеалы поэмы, разнообразие сюжета и вариации сюжетных линий привлекают внимание исследователей. Вопросы об источниках сюжета поэмы и степени оригинальности отдельных ее изводов, их взаимовлияния недавно коснулся в своей книге казанский исследователь Н. Ш. Хисамов.¹ Вопрос этот настолько сложен, что необходимо специальное исследование истории сюжета поэмы наподобие, например, истории сюжета «Гамлета».

Один из тюркоязычных вариантов сказания — поэмы «Кысса-и Юсуф» («История Иосифа») — написан в 1212 г. (602 г. по хиджре) Кул Гали. Точное место написания поэмы не указывается. Недавно в Казани вышла книга с текстом поэмы в переводах на татарский и русский языки со вступительной статьей, комментариями и описанием списка рукописей Ф. С. Фасеева.²

Из книги выясняется, что поэма «Кысса-и Юсуф» широко и издавна распространена среди татар и башкир. По предварительным данным, насчитывается 161 рукопись и 70 печатных изданий поэмы.³ Большая часть рукописных списков «Кысса-и Юсуф» обнаружена в Татарской АССР (115 ед.), остальные — в Среднем и Нижнем Поволжье, северо-западной Башкирии, Прикамье, Оренбуржье, Урале и Сибири.⁴ Центральный район распространения списков поэмы совпадает приблизительно с территорией Булгарского и Казанского ханств, что приводит к заключению об исходном бытовании и начальном этапе иррадиации рукописей именно в этом районе.⁵

Большинство датированных рукописных списков поэмы относится к рубежу XVIII—XIX и началу XX в. Несколько недатированных списков восходят ко второй половине XVIII в., а некоторые — предположительно к XVI—XVII вв. и более раннему периоду.⁶

Влияние поэмы «Кысса-и Юсуф» испытали на себе многие татарские и башкирские поэты от Мухаммедьяра (XVI в.) до Габдуллы Тукая (1886—1913) и Мажита Гафури (1880—1934).⁷

Что же представляет собой язык поэмы и каково его отношение к современному татарскому литературному языку?

Под языком поэмы следует понимать не собственно «поэтический язык» и не стилевую сторону, имеется в виду только структура литературного языка как единого целого в его функциональном аспекте. Под литературным языком следует понимать одну из форм существования языка, противостоящую другим формам: полудиалектам (городским койне) и территориальным диалектам. В этой триаде литературный язык является высшей, наиболее престижной формой языкового общения.

Его основные признаки — обработанность, состоящая в отборе языкового материала и противопоставленная спонтанности диалекта; наддиалектность или надязыковость, заключающаяся в совмещении признаков разных диалектов (языков); сохранение языковых традиций.

Приложение этих признаков к поэме «Кысса-и Юсуф» поможет определить природу языка поэмы и как следствие — прояснить связи его с другими тюркскими языками.

Поэтическая обработанность, шлифовка языка «Кысса-и Юсуф» проявляется в отборе выразительных средств — метафор, эпитетов, разного ряда художественных определений: *ziba bujuḡ uzun saçeḡ hub jamaleḡ* (734)⁸ ‘твой строгий стан, длинные волосы и дивная красота’, *ḡaḡly tāmam, süze jaulaḡ datlu doryḡ* (334) ‘разум его совершенен, речь сладка’, *başlaḡyna möḡassāḡ taj urar imdi* (353) ‘на голову каждой надела украшенный камнями венец’, *möḡärräb färeštäder inde kükdän* (337) ‘высший из ангелов спустился с неба’.

В ткань языка поэмы вплетены яркие, образные сравнения: *küzlärendän ḡäühär kebi jāšlär aḡdy/fäsih telin, sāhīh süzin süjlär imdi* (360) ‘из глаз их покатались слезы, подобные жемчугу, / он говорил красиво и изящно’; *dörlü näsnä ḡäneär kebi ququḡur imdi* (338) ‘все вещи благоухали амброй’; *biḡze nury könäs kebi balḡur imdi* (399) ‘лицо ее сияло подобно солнцу’, *aj kebi küḡklü jüze* (376) ‘как луна красивое лицо ее’.

Образность языка достигается и путем использования законченных речений, что показывает на связь языка поэмы с фольклором: *ḡäühär — daḡ, väläkin ḡäühär [daḡ] ulmaz* (1004) ‘алмаз — камень, но не всякий камень — алмаз’.

Число приведенных примеров можно увеличить, но и того, что было показано, достаточно для суждения о высоких художественных достоинствах языка поэмы.⁹

Наддиалектность языка «Кысса-и Юсуф» легко улавливается, поскольку различные диалектные (языковые) признаки лежат на «поверхности». В фонетике — это соответствие начальных *m-* и *b-*, *b-* и *v-*, *t-* и *d-*, срединных и конечных *-j-* и *-ḡ-*. В морфологии — параллельное употребление форм род. п. на *-nuḡ* и *-uḡ* (после конечной согласной), дат. п. на *-ḡa* и *-(j)a* (после любой конечной), вин. п. на *-nu* и *-u* (после конечной согласной), исх. п. на *-dun* и *-dan*, причастий на *-daḡu* и *-(j)an*. Такое же смешение и в лексике. Состояние наддиалектности подкрепляется большим количеством арабских и персидских слов и конструкций. Заимствования, изо-

лируя язык от диалектной среды, в то же время поднимают его в функционально-стилистическом отношении.

Более подробно картину совмещения разнородных диалектных (языковых) черт можно видеть из обзора языковых традиций, которые отложились в поэме «Кысса-и Юсуф».

На языке поэмы, несомненно, лежит печать хорезмско-тюркской традиции.¹⁰ Она видна на всех уровнях языка.

В фонетике. Начальный *m*:- *mān* (172) 'я', *munu* (350) 'этого', *munlar* (766³) 'эти', в середине и конце слов межзубный *ð*: *adaqu* (552) 'его нога', *idi-m* (331) 'бог мой', *ið-gil* (551) 'посылай'; в нарушении небной гармонии форманты содержат губные гласные: *su eürdi* (64) 'напоил водой', *tāmam qyldum* (1010) 'я окончил'.

В морфологии. Принадлежность 1-го л. мн. ч. оформляется афф.-*muз*: *atamuз* (44) 'наш отец'; дат. п. имеет *-ға*: *xaliqqa* (316) 'создателю', *bunuq kebi hörmätlekgä* (300) 'столь уважаемому'; в форме 3-го л. принадлежности дат. п. может быть *-ға* и *-ға*: *taṭnuq başuға* (67³) 'на вершину горы', *jüzinge* (80⁶) 'на лицо его'; вин. п. в 3-м л. посессива оформляется афф. *-ну*: *Isxaq — Zabix kömäriṇi quşandyru* (65) 'опоясал поясом Исхака-Забиха', *anuq doṭasay* (326) 'его молитву'; исх. п. образуется афф. *-дын*: *qaşdyn aşqa* (75) 'перейдя горку', *näjat sändin kelmäz irsä* (502¹) 'если от тебя не будет помощи'; после принадлежности 3-е л. — *-ндын*: *mal suşyndyn* (42¹) 'за скотом'; инст. п. — с афф. *-ун*: *qaşan anлары Jüsef küzin kürdi* (308) 'когда Юсуф увидел их своими глазами'; форма собирательных числительных характеризуется формантом *-ласы*: *unylasy* (756) 'вдесятером', *ikeläsi* (326) 'они двое'. Глагол представлен совокупностью личных и неличных форм. Аспект невозможности действия образуется посредством афф. *-ума*: *qärdeşläri haterin qujumady / razin gizläp ajuyruq süz дәjümädi* (41) 'он не мог обидеть родных, / сохраняя тайну, говорить обиняками'. Перфект существует в двух разновидностях — первая образуется с помощью афф. *-муş*-| личные местоимения: *bu ävi baqa laiq huş düzmeşän* (961⁵) 'ты сделала этот дом достойным меня', вторая — посредством афф. *-ybdyr*: *hälvät saraj bizänebder* (502) 'построен уединенный дворец'. Настоящее-будущее время обладает разветвленными формами — с афф. *-z*, *-ur*, *-ar* и *-jur*: *bu qolny män häm alurmen* (208) 'этого раба я также покупаю', *atasy surar, äjder: nä aḡlarsän?* (372) 'отец ее спрашивает: отчего плачешь?', *nä дәjürse — aḡlajurmän* (208) 'что вы говорите — я понимаю'. Одна из форм будущего времени имеет афф. *-daçu*: *nöbüvvät risalet buldaçysän / mämläkät ijäsi uldaçysän* (28) 'ты станешь проповедником-пророком / и будешь главой государства'. Деепричастие на *-u*, *-a* входит в состав оборотов и аналитических форм: *aşlyq alu Misyra varun!* (753) 'за пшеницей идите в Египет!', *anlara äjtü/virmäz!* (38) 'не говорите им ничего!'. Вспомогательный глагол *ir-* 'быть' является изменяемой частью именного и глагольного сказуемого: *siddiq irdi* (41) 'он был правдив', *qylmaға laiq irür* (361) 'чтобы он ни делал, достойно его', *bonça дәülät ulur irmeş* (368) 'богатства стало столько', *ägär häni istär irsäḡ* (383) 'если хочешь'.

найти меня'. В числе послелогов *içgä* 'в, внутри', *saɣu* 'в, направлении': *düşüm içgä* (24) 'во сне моем', *misur saɣu varɣrlar imdi* (756) 'они отправились в Египет'.

Лексический состав хранит слова, свойственные хорезмско-тюркским, караханидско-уйгурским и древнеуйгурским памятникам: *savču* (637) ~ *Jaɣqub savču* 'пророк Якуб' — (ДТС 492),¹¹ *jalavač* (388) 'посол, сват' — (ДТС 228), *jarmaq* (209, 211), 'деньги' — (ДТС 242), *kärtü* (42) 'истинный' — (ДТС 302), *kändüz* (320) 'сам' — (ДТС 394), *tälim* (388) ~ *tälim mal* 'много товаров' — (ДТС 550), *üküs* (26) ~ *üküş ni'mät* 'много милостей' — (ДТС 624), *betü-* (395) ~ *jäwab betüb* 'написав ответ'.

Совершенно явно язык «Кысса-и Юсуф» хранит в себе традицию огузского типа. Ее вклад ощутим на всех языковых уровнях.

В фонетике. В начале слов *b:* *bän* (301) 'я', *beŋ* (347) 'тысяча', *ben-* (320) 'подниматься'; звонкий *d:* *düş* (23) 'сон', *dez* (369) 'коллено', *datlu* (334) 'сладкий', *dut* (343) 'держать', *dyɣla-* (140) 'слушать', *duɣ-* (24) 'рождаться, всходить (о солнце)'; щелевой звонкий *v:* *var* (209) 'есть, имеется', *var-* (47) 'идти, отправляться', *vir-* (45, 211) 'давать'; в средней позиции слов *j:* *ajaqlar* (79) 'ноги'.

В морфологии. Род. п. после конечной согласной образуется посредством афф. -у: *Jüsefeŋ düşin* (42) 'сон Юсуфа', *halıqıŋ sidıqı* (318) 'преданнейший создателю'; дат. п. после конечной согласной — посредством афф. -а, после конечной гласной — афф. -ja: *baša çaldy* (65) 'надел на голову', *läşkärä nazar qyldy* (304) 'он бросил взгляд на войско', *bu qojuja kermeş imdi* (205) 'он спустился в этот колодец'; после формы принадлежности 1-го л. мн. ч. сохраняется -а: *atamuza häp varalum!* (60) 'все пойдем к нашему отцу!'; вин. п. после согласных имеет формантом -у: *bu kitabı düzdi* (1009) 'составил сию книгу', *uşbu süzi* (32) 'это слово'; после форм принадлежности следует вин. п. на -у: *halemi* (361) 'мое положение', *säpeŋ doɣaɣı* (325) 'твою молитву', *dolyuɣızu* (340) 'вашего раба'; исх. п. имеет афф. -dan: *bezdän* (300) 'от нас', *älemezdän* (302) 'из наших рук'; после принадлежности 3-го л. исх. п. -ndan: *küzlärendän* (67) 'из глаз его', *ällärendän* (302) 'из их рук'; у личных местоимений дат. п. *baɣa* (323) 'мне' (ед. ч. *bän*) и *saɣa* (321) 'тебе' (ед. ч. *sän*); отрицание при именах образуется частицей *dägül/dägel*: *gol dägül sän* (353) 'ты — не раб', *bu dägelder adämিদän* (327) 'он не из рода людского'. Глагол обладает своими характерными чертами личных и неличных форм. Одна из форм прошедшего времени — перфект — образуется при помощи афф. -muş: *beresi ul häm jüzekni jutmuş idi* (327) 'другая [из рыб] проглотила также перстень', *baɣa häsrät äsär qylmuş* (807) 'я нахожусь в печали'.

Настоящее-будущее время строится по схеме: афф. -(j)a + личные показатели -m, -van-, -vuz, -sez: *soltanat viräm imdi* (136) 'дам я [ему] царство', *Jüsefi bez saqlajavuz* (51) 'мы будем охранять Юсуфа', *sarajuma kermäjäsez* (341) 'не будете допущены в мой дворец'.

Желательное наклонение в 1-м л. ед. ч. имеет формантом -(j)ajun: bähriṃṃä qaysajun! (55³) 'прижму-ка [тебя] к сердцу!', в 1-м л. мн. ч. -(j)alum: nä düš kürmiş — surajalum, izläjälüm (36) 'что за сон он видел — спросим-ка, выясним-ка!'

Причастие настоящего времени оканчивается на -(j)an: buny düzän — zärif bändä, aduyäli (1006) 'составивший сие — немощный раб по имени Гали', birär dinar virmäjänsezlär? (341) 'вы — не дающие по одному динару?'. Одна из форм деепричастий — с афф. -uban: balyq vidaṛ qyluban suṛa düšdi (371¹) 'рыба, простившись, нырнула в воду', ündäjübän Jüsefi (37) 'позвав Юсуфа'.

Форма на -duṛ участвует в образовании предложений: ṛaṣuṛluṛ kâr qylduyun beldi häjan (380) 'ясно понял, что причина тому — любовь', aruy junur sudan tyšra käldegendä (322) 'когда ставши чистым, он вышел из воды'.

Именное сказуемое в 1-м л. ед. ч. показателем имеет -vän: hän — säneṇvän (378) 'я — твой'. К послелогам относятся: ilä/lä 'с, вместе с', üzrâ 'на, пред' — bizüm ilä (46) 'с нами', ul säbäblä (351) 'по этой причине', jul üzrâ tura qaldy (68) 'еще стоял на дороге'. Лексика поэмы включает в себя слова также огузской маркировки: äl (50) 'рука', äv (139) 'дом', bardaq (65) 'стакан', ciq (39) 'много', qurd (50) 'волк', söc (204) 'вина, ошибка', qanquj (355) 'какой', jajan (76) 'пешком', kände (63) 'сам', könäs (399) 'солнце', tulun aj (24) 'полная луна', büjlä (24) 'этап', üjlä (52) 'так', satun al- (198) 'покупать', bul- (28) 'находить', ul- (28) 'становиться'.

Естественно ожидать в языке поэмы «Кысса-и Юсуф» татарские (шире: кипчакские) строевые элементы и лексику.

В фонетике. В начале слов глухой t: tüš- (304) 'спускаться', telä- (308) 'желать, просить, сватать'.

В морфологии. Род. п. образуется при помощи афф. -пуṛ: таṛпуṛ баṣуṛа (673) 'на вершину горы'; дат. п. имеет универсальный формант -ṛа: bu šähärgä (308) 'в этот город', после принадлежности 1-го и 2-го л. ед. формант меняется на -а: sarajema (341) 'в мой дворец', hizmätiṇä (202) 'твоей службе', после принадлежности 3-го л. — афф. -на: moradyna (384) 'своей цели'; вин. п. — с афф. -пу: bu qolnu (208) 'этого раба', после принадлежности 1-го и 2-го л. ед. ч. — тот же аффикс: hateremni (374) 'мой разум', после принадлежности 3-го л. — афф. -ун: suvun daṛuy tügär imdi (75) 'и воду вылили'; исх. п. имеет форму с -дан: atdan (304) 'с коня'. Для глагола характерны причастия и временная форма на -ṛан: munu qyṛan haliqdan rahät bulmaz (98) 'содеявший это не будет ждать милости от творца', а также недостаточный глагол i- 'быть', образующий именные и глагольные сказуемые: un ber quryj küdär idem (50) 'я пас одиннадцать ягнят', Malik Däṛir ziräk ide (198) 'Малик Дагир был догадлив'. Лексический состав включает слова: beti (390) 'письмо, амулет', bike (300) — Qodes bike имя собств. жен., jarly (220) 'бедный, бедняк', kürklü (376) 'красивый', bul- (62, 203) 'быть'.

Из сделанного обзора нетрудно увидеть, что в языке «Кысса-и

Юсуф» сплелись две языковые стихии — хорезмско-тюркская с огузской — и обе они равномогущны. Этот смешанный язык продолжительное время функционировал в татарской языковой среде; об этом свидетельствуют и татарские языковые отложения в поэме, и ее географическое распространение, и огромная популярность как у поэтов-профессионалов, так и в широкой народной массе.

Наличие хорезмско-тюркской части в языке поэмы не вызывает удивления: поэма написана в первой трети XIII в. — в пору, когда из караханидско-уйгурского языка развился и действовал новый литературный язык, получивший название «хорезмско-тюркский». Вполне понятна и связь «Кысса-и Юсуф» с творчеством Ходжа Ахмеда Ясеви, как это заметил с С. Л. Уэст:¹² их объединяет общая основа — хорезмско-тюркский язык, развивающийся в направлении чагатайского языка, и сильное огузское включение.

Но где и когда сформировались огузская часть языка «Кысса-и Юсуф» и язык поэмы в целом?

Принимая во внимание в основном обилие огузских элементов, К. Брокельманн отнес язык поэмы к староосманскому,¹³ считая «Кысса-и Юсуф» «старейшей предшественницей османской литературы» (*der älteste Vorläufer der osmanischen Literatur*).

Едва ли можно согласиться с этим мнением маститого ученого: относить язык «Кысса-и Юсуф» к староосманскому препятствует сильная хорезмско-тюркская струя. Она зародилась на востоке тюркоязычного мира и до Малой Азии дошла в ослабленном состоянии; почти затухающей, так же как и последующая за ней чагатайская волна. Поэтому очаг зарождения подобного языка следует искать в Средней Азии. Это скорее всего Южный Хорезм. В XI—XII вв. здесь находились огузы-сельджуки, язык которых лег в основу огузского литературного языка. Высокий авторитет Хорезма в научном и культурном отношении способствовал престижности данного языка. Предположение в таком духе было высказано ранее А. К. Боровковым¹⁴ и Э. Н. Паджипом.¹⁵

На той же территории Хорезма произошла встреча и сплавление в единое целое огузского литературного языка и традиционного хорезмско-тюркского литературного языка.

В разные периоды и с различной силой хорезмско-тюркско-огузский литературный язык влиял на ранних узбекских, туркменских, азербайджанских и турецких поэтов. Среди турецких письменных памятников доосманского периода (османское государство возникло в 1299 г.) встречается поэма «Юсуф и Зулейха» Шейяда Хамзы. Эта поэма — турецкий вариант «Кысса-и Юсуф» — по своему языку, истории и территории возникновения имеет полное право называться одной из старейших предшественниц османской (т. е. турецкой) литературы.

Иначе сложились обстоятельства создания «Кысса-и Юсуф» поэтом Кул Гали. Поток культурного влияния занес хорезмско-тюркско-огузский язык в Поволжье, и здесь, в татарской среде, он получил новое применение. При употреблении термина «татарский» имеются в виду элементы собственно татарского (в широ-

ком смысле кипчакского) языка. Где-то на территории Среднего Поволжья в первой трети XVIII в. поэма была написана на смешанном, на уже традиционном литературном языке.

Если бы поэма Кул Гали была единственным произведением на этом языке, можно было бы думать об игре случая. На подобном же языке с сильной огузской окраской написаны и другие поэтические произведения в период XIII—XIV вв., такие как «Кисекбан», «Бедавам», «Кысса-и аук»,¹⁶ данный язык отразился и в более поздних многочисленных сочинениях. Функционирование огузизованного поэтического языка в Поволжье подтверждает и популярность турецкой поэмы «Мухаммадия» Челеби.

Иными словами, поэтический язык названных сочинений выполнял функции литературного языка в дальнеродственной языковой среде — явление допустимое главным образом для донациональной поры современного литературного языка. В силу исторических причин донациональный литературный язык не обязательно совпадает с родным языком. Это положение открывает дорогу для использования иных вариантов литературного языка, вплоть до чужого (генетически) языка.¹⁷

Как типологическую параллель к данному явлению можно указать роль старославянского языка в истории литературного русского и других славянских языков или место латинского языка в развитии немецкого литературного языка, а также роль арабского языка как языка науки и роль персидского языка как языка поэзии у ряда тюркоязычных народов.

Чужеродный литературный язык в процессе его использования приспособливается к языковым (прежде всего фонетическим) нормам родного языка. Поэтому рецитация и издание «Кысса-и Юсуф» должны следовать нормам татарского языка, как и рецитация и издание любого памятника древней литературы, связанного функциональными отношениями с иноязычной средой. Однако огузизованный язык — не единственный представитель литературного языка тюркоязычного Поволжья в XIII—XIV вв.

Другой вид литературного языка воплощен в прозаическом произведении «Кыссас-уль-Анбия» Рабгузи, сохраняющем в наибольшей степени хорезмско-тюркскую основу, граничащую с более древней караханидско-уйгурской.

Третий вид — язык поэмы «Хосров и Ширин» Кутба, продолжающий поволжско-кипчакскую традицию.

В более позднее время (XVI—XVII вв.) появляется еще один вид, основанный на чагатайской традиции.

Все эти разновидности поволжского «тюрки», как принято именовать в научной литературе язык, можно было бы назвать, имея в виду конкретную обстановку, региональными вариантами старотатарского литературного языка. Каждый из вариантов связан с определенным литературным направлением.

Нельзя не заметить эти направления в развитии литературного языка Поволжья XIII—XIV вв.: одна группа писателей и поэтов придерживалась архаизованного и для того времени языка, дру-

гая использовала язык, хранящий общекипчакскую основу, третья прибегала к языку с огузской окраской; на смену им пришел язык, в наибольшей мере отражавший народную основу.

В антологии древней татарской литературы¹⁸ есть утверждение, что литературный язык Поволжья в средневековье еще не был нормирован, он не сформировался. Точнее, следует говорить не об отсутствии нормы, а о ее вариативности, ведущей к представлению о региональных литературных языках. Реальность этого явления можно подтвердить ссылкой на типологически близкий материал.¹⁹

Исходя из этого представления язык «Кысса-и Юсуф» надо считать одним из региональных вариантов старотатарского (или древнетатарского) литературного языка.²⁰

Следует помнить и другое. Названные выше произведения обладали, очевидно, в свое время огромной силой эстетического, художественного воздействия на слушателей. Не случайно некоторые из них сохранились в народном обиходе до настоящего времени: это «Кыссас-уль-Анбия» Рабгузи и в особенности «Кысса-и Юсуф» Кул Гали. До сих пор в селениях Татарской республики и в примыкающих к ней областях охотно поют или пересказывают отдельные фрагменты из этих произведений, оставляя в сохранности их языковой колорит.²¹ Слушатели нередко запоминают услышанное и пересказывают другим. В процессе запоминания и пересказа совершается творческая переработка сюжетов. Через много сотен лет, сквозь все превратности истории народ бережно сохранил эти замечательные образцы поэзии и прозы. И теперь они активно участвуют в создании новых поэтических и духовных ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хисамов Н. Ш. Поэма «Кысса-и Юсуф» Кул'Али. М., 1972, с. 30—43.

² Кол Гали. Кыйсса-и Йосыф. Йосыф турында кыйсса. Казан, 1983, 543 б.

³ Там же, с. 426—507.

⁴ Там же, с. 489—493.

⁵ Там же, с. 499.

⁶ Там же, с. 491—492.

⁷ Там же, с. 18—44.

⁸ Здесь и далее цифра в скобках обозначает номер куплета в книге: Кол Гали. Кыйсса-и Йосыф, Казан, 1983.

⁹ Kocatürk V. M. Türk edebiyatı tarihi. Ankara, 1964, s. 83.

¹⁰ Houtsma M. Ein alttürkisches Gedicht. — ZDMG, 1889, Bd 43, S. 73.

¹¹ ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

¹² West S. L. The Qıssa-i Jüsuf of 'Ali: The First Story of Joseph in Turkic Islamic Literature. — АОН, 1983, т. 37 (1—3), p. 72—73.

¹³ 'Ali's Qıssa'i Jüsuf, der älteste Vorläufer der osmanischen Literatur / von Prof. Dr. Carl Brockelmann in Halle A. s. Berlin, 1916, S. 59.

¹⁴ Боровков А. К. Очерки истории узбекского языка, III. — Учен. зап. Ин-та Востоковедения, М.; Л., 1958, т. XVI, с. 214.

¹⁵ Наджиб Э. Н. О языке памятника начала XIII в. «Кысса-и Юсуф» Али. — СТ, 1976, 2, с. 88.

¹⁶ Кол Гали. Кыйсса-и Йосыф, с. 28.

¹⁷ Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967, с. 44.

¹⁸ Борынгы татар әдәбияты. Казан, 1963, с. 26.

¹⁹ Guchmann M. M. 1) Der Weg zur deutschen Nationalsprache. Berlin, 1969, S. 59; 2) Die Sprache der deutschen politischen Literatur in der Zeit der Reformation und des Bauernkrieges. Berlin, 1974, S. 51—140; Гухман М. М., Семенюк Н. П. История немецкого литературного языка. IX—XV. М., 1983, с. 48—66; Дюришин Д. Особые межлитературные общности и методика их изучения. — Вопросы литературы, М., 1984, № 4, с. 129—145 (см. библиографию предмета, с. 129, примеч. 1).

²⁰ Pertsch W. Die Handschriftenverzeichnisse der königlichen Bibliothek zu Berlin. VI. Bd. Verzeichnis der Türkischen Handschriften. Berlin, 1899, S. 352; Татар поэзиясе антологиясе. Казан, 1956, с. 41.

²¹ Хисамов И. Заманнар кичең. — Азат хатын, Казан, 1974, № 12, с. 16—17.